

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

<...>

1017

*Бивак у деревни Дольный Монастырь в Болгарии.
8 сентября 1877 г.*

Простите мне, любезный Константин Петрович, что я так долго не отвечал на Ваше письмо, но я получил его в самое бойкое время для моего отряда и когда больше 2 или 3 дней я не оставался на месте.

Теперь, как Вам известно из телеграмм главнокомандующего, весь мой отряд отступил ближе к реке Янтре, где мы теперь гораздо более сосредоточены и относительно в гораздо выгоднейшем положении, чем то было недели 2 назад. Теперь мы с каждым днем ожидаем решительной атаки корпуса или, лучше сказать, целой армии, и очень значительной, Мехмеда-Али-паши. Весь вопрос теперь в том, выдержим ли мы эту атаку и удастся ли нам опрокинуть неприятеля.

Под Плевной дело затянулось, и весь вопрос времени; решено вести правильную осадную атаку, чтобы не терять больше такое громадное количество людей. Страшно подумать, что мы из-за этой Плевны потеряли войска. За все три атаки с 9 числа июля до настоящей минуты мы потеряли убитыми и ранеными с лишком 25 тысяч, кроме румын, которые потеряли более 3000 человек.

На Шипке наши выдержали еще одну упорную атаку на днях. У меня в отряде с самого начала до сих пор во всех делах я потерял не более 3000 человек, несмотря на весьма ожесточенные дела; это замечательное счастье, и можно было бы потерять гораздо более.

Что делается и говорится в Петербурге? Часто теперь вспоминаем милую родину. Не думали мы, что так затянется война, а начало так

нам удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!

Вы можете себе представить наше отчаяние, когда государь объявил, что остается: никакие просьбы, никакие доводы не могли изменить решение государя. Теперь я решительно не могу себе представить, что будет делать государь, если война затянется до зимы, а может быть, и до будущей весны, неужели он не вернется в Россию?¹

Я решительно ничего не знаю о намерениях государя и вообще, что творится в главной квартире его, потому что ничего мне не сообщают, кроме как о военных распоряжениях, до нас касающихся.

Пожалуйста, пишите мне иногда, потому что я решительно ничего не знаю, что делается у нас на родине. Мне никто не пишет из России, кроме жены и иногда императрица, но, конечно, они не могут знать и слышать, как Вы. Что с нами будет, одному Богу известно, и на него вся надежда наша. Одно могу сказать, что мы не унываем и духом не падаем. — До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас Александр.

1018

Село Брестовец.

31 октября 1877 г.

Пол. 10 ноября.

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши длинные и интересные письма, которые меня очень интересуют, так как, кроме газет, мы ничего не получаем из России, а в частных письмах не все решаются передавать правду.

То, что вы пишете по поводу политического процесса, который теперь, к несчастью, уже начат в Петербурге, просто возмутительно; и нужно же быть таким ослом, как Пален, чтобы поднять всю эту кашу теперь².

Я все еще надеюсь, что государь так или иначе, но прикажет остановить это дело.

Но Вас, конечно, более интересуется знать, что делается у нас. Как вы знаете, одновременно с большими успехами на Кавказе были, хотя и не столь блестящие, маленькие успехи и под Плевной, и заняты были новые весьма важные для нас позиции. Теперь, кажется, можно надеяться на полный успех под Плевной, но когда она сдастся — это решительно невозможно сказать и зависит совершенно от количества продовольствия, которое турки имеют в городе. Прорваться они не могут, и во всяком случае, если даже и удалось бы им это сделать, то с громадной потерей, и немного бы их ушло оттуда.

Теперь главный вопрос, что успеем мы еще сделать в нынешнем году и до чего довести в этом году кампанию. Что всего более нас беспокоит — это продовольствие армии, которое до сих пор еще кое-как шло, но теперь с каждым днем становится все более и более затруднительным, а фуража для кавалерии уже нет более в Болгарии, и приходится закупать все в Румынии, откуда доставка весьма затруднительна. Вам, конечно, известно существование жидовского товарищества для продовольствия армии; это безобразное товарищество почти ничего не доставляло войскам, а теперь почти уже не существует, но имеет сильную поддержку в полевом штабе, и если хотите иметь точные сведения, то спросите об нем у Грейга, который только что вернулся отсюда и видел все это безобразия на месте.

Что касается моего отряда, то ничего нового, к сожалению, не могу Вам сообщить; стоим мы вот уже 6-й месяц на месте и ничего не можем предпринять до окончания дела под Плевной, и все наши резервы пошли в дело под Плевну, где теперь сосредоточена армия до 130 тысяч, вместе с румынами.

Большую часть мой отряд выстроил себе землянки, в которых и тепло, и сухо, и устроены печки, так как разместить по деревням нет никакой возможности: так мало помещений в здешних селах и дома очень малы. Больных, слава Богу, значительно уменьшилось, и вообще санитарное состояние армии еще относительно в очень хорошем виде, и жаловаться нельзя.

Хотя мы живем в Болгарии и принадлежим к действующей армии, а почти ничего не знаем, что делается в главной квартире, а если что узнаем, то совершенно случайно от приезжающих оттуда, и то очень мало. Кажется, тот же сумбур и отсутствие всяких распоряжений продолжают, как и вначале, да и не может быть иначе при тех же условиях и с теми же личностями.

Да, невесело будет здесь оставаться в случае отъезда государя в Россию, что почти решено, после падения Плевны. — Теперь еще все держалось только благодаря присутствию государя при армии, а не то бы наш главнокомандующий³ так бы напутал со своим милым штабом, что пришлось бы еще хуже нам. Мы все с ужасом смотрим на отъезд государя из армии при таких условиях, и что с нами будет, одному Богу известно. Грешно оставлять нашу чудную, дивную дорогую армию в таких руках, тем более что Николай Николаевич положительно потерял популярность в армии и всякое доверие к нему. Пора бы и очень пора переменить главнокомандующего, а не то мы опять попадем впросак. Надежды мало, но Бог даст и будет перемена в военачальнике. Какое впечатление произвела в Петербурге славная смерть бедного Сергея Максимилиановича?⁴

Как были похороны и заметно ли было сочувствие в публике?
Очень интересно было бы знать это.

Простите, добрейший Константин Петрович, мое нескладное
письмо. — Мой усердный поклон Вашей супруге.

Дай Бог до скорого свидания.

Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас Александр.

